

© 2005 г. А.Л. ШИЛОВ

ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКАЯ ЛЕКСИКА И ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

В работе рассмотрены и проиллюстрированы рядом примеров некоторые вопросы славяно-финского лексического взаимодействия. Затронуты проблемы времени и территориальной приуроченности первичных славяно-финских контактов, семантики ранних заимствований. Предложены новые решения (на базе славянской лексики) для этимологии некоторых прибалтийско-финских лексем, в том числе – альтернативные уже существующим. Особо рассмотрены случаи использования славизмов (русизмов) финно-угорских языков для решения проблем собственно восточнославянского языкознания, а именно: исторической фонетики, исторической диалектологии, истории и этимологии слов (имея в виду как заимствованные, так и исконные лексемы).

1. О РУССКИХ ЗАИМСТVOВАНИЯХ ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИХ ЯЗЫКОВ

Исследование русских (resp. славянских) заимствований в прибалтийско-финские (в меньшей степени – в саамский) языки имеет давние и плодотворные традиции [Веске 1890; Mikkola 1938; Kalima 1952; Plöger 1973] и непрерывно продолжается (см., например [Николаев, Хелимский 1990; Terent'ev 1990]). Заметим, впрочем, что с некоторых пор в работах по данной тематике наметился опасный крен в сторону поиска “сверхдревних” славизмов финских и саамского языков (см. ниже), уводящий в сторону от действительно актуальных проблем славяно-финского языкового взаимодействия.

На основе анализа публикаций последних 20–25 лет, автору представляется, что обсуждения (а порой – и ревизии) заслуживают следующие вопросы: (а) время и место наиболее ранних контактов славян с западными финно-уграми; (б) вопросы семантики, как критерия достоверности заимствования тех или иных слоев лексики; (в) сам корпус славизмов в прибалтийско-финском (саамском); (г) полицентризм, т.е. распределение по различным прибалтийско-финским (саамским) диалектам генетически родственных индоевропейских заимствований (зачастую диахронных, но дающих внешне близкий, порой – идентичный результат); (д) дилеммы прибалтийско-финской заимствованной лексики (возможность альтернативных решений). Отдельный и весьма существенный вопрос – значение славизмов прибалтийско-финских и саамского языков для собственно славянского языкознания.

1.1. Вопрос времени и места наиболее ранних славяно-финских контактов остается остродискуссионным. Археологические данные пока не дают нам свидетельств одновременного присутствия финнов и славян на каких-либо территориях юго-восточной Прибалтики ранее рубежа нашей эры или даже ранее середины I тыс. н. э. Вместе с тем, некоторые исторические и языковые данные оставляют возможность более широких временных интерпретаций. Так, А.И. Попов, указав на древность заимствования прибалт.-фин. *vilja* “хлеб, зерно” (< слав. **obъ-vilje* > русск. обилие)¹ и *ravita* “пи-

¹ Этимология повторена в [Koivulehto 1988], причем без ссылки на А.И. Попова.

тать, кормить” (< слав. *strava* > русск. *страда, стравить, травить*), заключил, что подобные заимствования следует датировать временем задолго до образования Киевского государства. Здесь же он сослался на Тацита (I в. н. э.), который писал о проникновении венетов-славян вплоть до феннов [Попов 1972]. Действительно, фактом является распространение древней топонимии, правдоподобно объясняемой из финских языков, вплоть до правобережья Вислы. Но здесь возникает ряд вопросов. Были ли тацитовские венеты славянами? Были ли его “фенны” теми прибалтийскими финнами, в языках которых якобы обнаружены “сверхдревние славизмы” (см. ниже)? Наконец, могли ли эти финны реально контактировать со славянами (т.е. могла ли звучать в те времена славянская речь на юго-восточном побережье Балтики)?

Проблема, бесспорно, существует, см., хотя бы, такие немногочисленные пока, но яркие примеры, как прибалт.-фин. *hauki* ~ слав. *щука*, прибалт.-фин. *hirsi*, genit. *hirde-* ~ слав. *жрьдь*, юж.-эст. *luhits(a)* ~ др.-русс. *лъжища* “ложка” и др. [Mikkola 1938; Хакулинен 1953: 295, примеч. П.А. Аристе; Ткаченко 1990; Koivulehto 1999: 10]². Эти соответствия заслуживают самого пристального внимания уже ввиду несомненного сходства прибалтийско-финских и славянских форм. Но неосмотрительно было бы прямолинейно трактовать их как свидетельства сверхдревних славяно-финских контактов и на этом основании выдвигать очередные, уже “необязательные” (имеющие разумную альтернативу) праславянские этимологии некоторых финских слов (фин. *lehto* “лист” < праслав. **listü*, фин. *puhdas* “чистый” < праслав. **pustü*, фин. *tahdas* “тесто” < праслав. **taistos* [Viitso 1992], коми *гоб*, удм. *губи* “гриб” < праслав. **goba* [Napolskich 1996] и др.). Заметим, что пока в славянских языках не обнаружено столь же древних финнизмов.

Острота проблемы заключается не только в том, что принятие подобных этимологий неизбежно влечет за собой безусловное признание резкой архаизации времени начала славяно-финских контактов (что а priori все-таки не исключено³), но, в первую очередь, в необходимости ревизии хронологии фонетических изменений в тех или иных языках (см. [Хелимский 1995], повторено в [Хелимский 2000])⁴. Как отмечает А.Е. Аникин, некоторые результаты соответствующих исследований представляют определенный интерес, но интерпретироваться они должны, во всяком случае, не как заимствования в уральские языки из праславянского [Аникин 2003: 14]⁵.

В. Кипарский, на основании лексических данных, древнейшие контакты между славянами и прибалтийскими финнами относил к VI в. н. э. [Кипарский 1958] (см. также краткий обзор работ по данной тематике [Мызников 2003а: 49–54]). Согласно археологическим данным, восточные славяне могли войти в контакт с прибалтийско-фин-

² Начало этой традиции было положено работами М.П. Веске, А.А. Шахматова, Э.Н. Сетяля.

³ Мы не исключаем и возможность былого существования в Восточной Прибалтике (в начальный период славянской экспансии туда) какой-то финской “чуждой” группы, в языке которой некоторые фонетические процессы протекали иначе (в другое время), нежели у эстонцев, води, финнов, карел. От этой группы известные истории прибалтийские финны и могли воспринять соответствующие славянские слова уже в преобразованной форме (с осуществившимися переходами **š, ž, šč > h, *ti > si*) [Шилов 1999: 36–38]. Тем самым некоторые из указанных выше вопросов могли бы быть сняты. Но это не более чем гипотеза, в подкрепление которой материалов пока явно недостаточно.

⁴ “Трудно поверить (в связи с предполагаемым происхождением фин. *hirsi*, *hirde-* из слав. **žirdi* < **girdi* – А.Ш.), что первая палатализация в славянском имела место раньше, чем прибалтийско-финский переход **š > h*” [Хелимский 2000: 532].

⁵ Здесь речь может идти, например, о палеоевропейском (доиндоевропейском и дофинно-угорском) языковом субстрате, независимо отразившемся как в славянских, так и в финских языках [Аристе 1971]. Так, прямое соотнесение слав. **dqbъ* (русс. *дуб*) < **dombo* и прибалт.-фин. *tammi*, морд. *tumo* “дуб” < прафин. диал. **tamb-* является некорректным. Но вовсе пренебрегать близостью славянской и финской лексем было бы неразумным с точки зрения европейской палеолингвистики [Матвеев 2003: 96–97].

ской чудью не ранее V–VI вв. [Седов 1989]. Правда, открытие селищ и могильников кривичей, датируемых V в., в бассейне Мологи (на реках Чагода, Песь, Кабожа) [Башенькин 1999], то есть к северо-востоку от оз. Ильмень, похоже, свидетельствует о возможности несколько удревить эту дату. Но вряд ли это удревление может быть сколько-нибудь существенным, если мы вспомним о “балтийском клине” (о нем, начиная с В. Томсена, писали многие исследователи, как археологи, так и лингвисты), который в первой половине I тыс. н. э. разделял восточных славян и прибалтийских финнов, исключая возможность их прямого контактирования (эпизодические контакты в процессе дальней торговли, конечно, могли иметь место). Здесь уместно привести наблюдения Л. Беднарчука, который отмечает, что в Поозерье юго-восточной Прибалтики (в частности – в Мазурах, Белоруссии) славяне воспринимали финские по происхождению гидронимы уже в балтийской форме: слав. *Newel* < балт. *Nevelis* < фин. *Neva*, слав. *Miadzioł* < балт. **Mendelas* < фин. *Mendes* (?**Mändus*. – А.Ш.) [Беднарчук 1997: 103–104].

Место этих первичных контактов можно приблизительно определить как территории юга Псковской и Новгородской областей и севера Белоруссии, см. такие показательные финнизмы в белорусских диалектах, как *саламя* (с полногласием!⁶) ‘пролив’ и *лепешник* ‘ольховые кусты’ [Яшкин 1974: 175–176], которые явно восходят к прибалт.-фин. *salmi* ‘пролив’ и *leppä* ‘ольха’, *lepisto* ‘ольшаник’ соответственно.

Еще меньше оснований говорить о “сверхдревних” славяно-саамских контактах, постулируемых Й. Койвулехто [Koivulehto 1999: 10, 323] (о скепсисе по поводу лингвистических доказательств подобных контактов см. [Шилов 2002а: 220, примеч. 1]; исторические и археологические доказательства подобных контактов пока отсутствуют вовсе). Самая оптимистическая оценка времени начала контактов восточных славян с саамами – “приладожской” или “поволховской лопью” – пока не опускается ниже VII в. н. э. (о топонимии саамского типа к югу от Невы и Ладожского оз. см. [Шилов 1996: 23–24]).

1.2. Проблема определения семантических критериев возможности (движущей силы) заимствований в первом приближении состоит в очерчивании круга лексико-семантических классов (групп) как критерия отбора. Иными словами – насколько реально ожидать заимствование того или другого понятия (для отсекаания случайных совпадений, всегда возможных при большом количестве материала, привлекаемого с обеих сторон: потенциальный донор – реципиент). Здесь, безусловно, не может быть абсолютно жестких критериев, ибо разные времена, разный уровень развития народов, разный характер межкультурных контактов подразумевают разный характер процессов заимствования.

Крайнюю (критическую) позицию в этом вопросе занимает Е.А. Хелимский, когда он говорит о языковых контактах раннего периода. Опираясь на достоверные данные о древних заимствованиях (например, балтских в прибалтийско-финском⁷), Е.А. Хелимский отвергает возможность сколько-либо массовых заимствований глаголов, прилагательных, характеристик качеств и свойств, равно как и терминов, относящихся к базовой лексике. С этим, бесспорно, надо согласиться. К сожалению, древние заимствования не всегда возможно отграничить (по фонетическим показаниям) от более поздних, равно как и от субстратных включений (вопрос соотношения субстрата и заимствования требует отдельного рассмотрения, см. по этому поводу [Рут 1984; Мызников 2003а: 16–18; 2003б: 21–27]).

⁶ См. о распространении формы *солóмя* (на фоне более позднего заимствования *сáлма*) в Карелии [Мызников 2003а: 285–287].

⁷ Аналогичные выводы можно сделать и на основании корпуса 103 древнерусских заимствований в прибалтийско-финских языках, представленного в [Mikkola 1938]: 3 глагола, одно наречие, 3 прилагательных, 96 существительных (в основном это технические, социальные и культурные термины).

В отношении заимствований более позднего времени методологическую ценность представляют выводы работы Л.П. Якубинского по проблемам лексикологии и семантики, основанной на анализе прибалтийско-финских заимствований в русские архангельские и олонекские говоры [Якубинский 1926]: «От заимствований, которые являются результатом международного обмена предметами и понятиями (формула "Wörter und Sachen"), необходимо отличать другой тип заимствований, когда происходит замена своего слова чужим или возникновение наряду со своим словом другого – синонимичного или синонимобразного... К неустойчивым элементам словаря относятся термины, не имеющие непосредственно отношения к хозяйству и насущному быту, а также названия частные, осуществляющие детализацию... Заимствование может быть обусловлено мотивами экспрессивного подбора, эстетической выразительности, побуждениями эвфемистического порядка, суеверными табу. Заимствуются эмоциональные эпитеты, именные характеристики, глаголы, связанные со звуковой изобразительностью, со значением речи, понимания, еды, выразительные значения переживаний и разных эффективно окрашенных бытовых действий».

Действительно, в карельском и вепсском языках, по сей день активно контактирующих с русским (испытывающими как адстратное, так и суперстратное влияние последнего), присутствует значительное количество заимствований, принадлежащих тем семантическим группам лексики, что указаны Якубинским. Значительно меньше их в финском, но и в нем встречаются "необязательные" заимствования из русского, например (мы ограничиваемся финскими словами на *s-*) со значениями "хлебать", "шуметь", "рассветать", "заводить", "шипеть", "хватать"; "жалко", "все равно", "чуть", "сейчас", "часто"; "жуткий", "частый", "скорый". Но, конечно, подавляющее большинство русских заимствований финского языка представлено существительными. Сплошной просмотр этимологического словаря финского языка [SKES] на букву *S*, в сочетании с нашими собственными изысканиями, дает следующую статистику заимствований из русского: 130 существительных, 5 прилагательных, 8 глаголов, 5 наречий.

1.3. Некоторые славизмы прибалтийско-финских языков внешне очевидны (хотя доселе и не вошли в научный обиход), либо весьма вероятны, либо, наконец, заслуживают хотя бы рассмотрения на предмет их признания или же опровержения. Таковыми нам представляются следующие случаи:

Прибалт.-фин. *taku* "вкус" (откуда *makea*, *maukas* "вкусный, сладкий") [SKES: 330] может быть сопоставлено с русск. *смак* "(хороший) вкус". Если финское слово действительно происходит из русского (ср. ср.-в.-нем. *smaken* "пробовать на вкус"), то это заимствование является относительно ранним, ввиду наличия слова во всех прибалтийско-финских языках (откуда оно было заимствовано и в саамские диалекты), а также наличия ряда его производных. Тем самым, и само русское слово косвенно получает достаточно раннюю документацию (ср. [Фасмер, 3: 683]).

Прибалт.-фин. (фин., карел., ливв., вепс., эст.) *äreä*, *ärjä*, *ärjä* "ворчливый, сварливый, злой" (в [SKES: 1875] характеризуется как ономатопеическо-дескриптивное) может рассматриваться как заимствование русск. *ярый* (о ранней документации и семантике слова: [Ларин 1977: 89–100]).

Фин. *sipakka*, *sypakkä*, *sipeä*, *sypeä*, карел. *šipakka*, *šibie*, *šibei*, *šüpie*, *sübie*, *sübei* "бойкий, живой, проворный; быстрый, шустрый, скорый; торопливый, пылкий; горячий, сердитый, злой, строгий", фин. *sypäkkään* "быстро", карел. *sübevüö*, *sübiendüö* "возбуждаться, горячиться", диал. *sipieh* "зло, сердито" [SKES: 1035, 1147]. Ввиду отсутствия финской производящей основы и колебания вокализма, перспективным представляется сравнение с русск. *шибкий*, *шибок*, *шибко* (откуда *шибак*, *шибай* "буян, драчун" [Даль, 4: 436]), связанным со слав. *šibati* "бросать, бить" [Фасмер, 4: 435–436].

Более подробно рассмотрим фин. *paljo*. Положение (статус) слова в прибалтийско-финских языках видно из таблицы [SKES; KKLS; СКЯ; СВЯ].

Язык	"Большой"	"Много"	"Больше, больший"
финский	<i>*enä</i> <i>suuri</i>	<i>äijä</i> (вост. диал.) <i>paljo(n)</i>	<i>enempi, enää</i>
собственно карельский	<i>*enä</i> <i>šuuri</i> <i>äijä</i>	<i>äijä, äijän</i> <i>paljo(n) < ? фин.</i>	<i>enämbi</i>
карельский тверской	<i>*enä</i> <i>šuwri</i>	<i>äijä</i>	<i>n' ämbi</i> <i>äijä</i>
ливвиковский	<i>*enä</i> <i>suuri</i> <i>äijü</i>	<i>äijü, äijän</i>	<i>enämbi</i>
людиковский	<i>*enä</i> <i>suur</i>	<i>äi(j), äije, äijü</i>	<i>enämb(i), enamb</i>
вепсский	<i>*enä</i> <i>sur</i>	<i>äi</i>	<i>enamb</i> <i>äjad</i>
ижорский	<i>suuri</i>	<i>äijää</i> <i>paljo</i>	
эстонский	<i>*enä</i> <i>suur</i>	<i>palju, paljo</i>	<i>enam, enämb, inamb</i>
водский	<i>*enä</i> <i>suur(i)</i>	<i>pal'jo, pal'ŕ'o</i> <i>jenn ɛ̃</i>	<i>enäpi, enepä</i>
ливский	<i>*enä</i> <i>suur</i>	<i>ɛ̃ dnag</i>	<i>enin, emin, jembit</i>
саамский	<i>*enä</i>	<i>balljo < сканд.</i>	<i>ɛ̃ neb</i>
норвежский	<i>stura, stuores < сканд.</i>	<i>ɛ̃ na</i>	<i>ɛ̃ nap</i>
саамский		<i>paljo < фин.</i>	
шведский	<i>jenn^a</i>	<i>ienneg, jenni</i>	<i>ienamp</i>
кольский	<i>šurr < кар.</i> <i>stuorra < сканд.</i>		

К таблице можно привести следующие комментарии и выводы.

1) Изначально в прибалтийско-финских и саамском языках парадигма ‘большой – много – больше (больший)’ строилась на основе уральского **enä* ‘большой’. Однако в полном составе она представлена ныне лишь в саамских диалектах Кольского п-ва. Данное слово сохранилось в самодийских, обско-угорских (манс. *iäni*, *ienig*, хант. *ene*), пермских (коми *upa*, удм. *upo*, *ino* ‘много’) и волжских (морд. *iñe*, *iñä*) языках. Из топонимических данных оно реконструируется для вымерших языков Мери (ср. *Инобож*, *Инохта*, *Инокша*, *Иноваж*, *Иней*, *Иночь*, *Инюха* [Матвеев 2001: 147–148]) и Чуди Заволочской (*Онега* < **Enä-jogi*, *Оногра* < **Enä-jähr* и др.). Для прибалтийско-финских языков свидетельства былого активного функционирования слова **enä* являются его живые производные и данные топонимии [SKES: 39–40; Муллонен 1994: 57–58]. Топонимические факты свидетельствуют, между прочим, об относительно недавнем исчезновении слова в некоторых прибалтийско-финских диалектах. Так, одна из рек Северного Приладожья *Эняйоки* еще в писцовых книгах 1500 и 1564 гг. именовалась *Яня-река* (ср. саам. *jeññ* ‘большая река’) и лишь позднее получила карельское название *Enä-joki*, также означающее ‘большая река’.

2) Впоследствии эта парадигма подверглась изменению (разрушению): в ее состав вошли лексемы *suuri* и *äijä*. Первая из них является финно-волжской с первичным значением ‘зерно хлебного злака’ (см. подробнее примечание к разделу 3.5.1). Вторая – финно-угорской с первичным значением ‘отец, дед, предок, старший родственник’ [SKES: 1868]. Это значение сохранено словом в саамских диалектах, в водском, ижорском, эстонском языках и большинстве финских диалектов.

3) Слово же *paljo* ‘много’ в прибалтийско-финских языках является ограниченным по распространению и, возможно, появилось в них относительно поздно. Косвенным свидетельством последнего нам представляется то, что в прибалтийско-финских личных именованиях и географических названиях, известных по документам XIV–XVII вв. и содержащих компонент со значением ‘много’, мы видим не *paljo*, но лишь *moni* (partit. *monta*) ‘много’ (древняя финно-угорская лексема, заимствованная из индоевропейского источника, либо родственная ему)⁸.

Существует версия об исконном (уральском) происхождении слова *paljo*. Так, указывалось на марийск. диал. *pülä* ‘довольно, очень много’, манс. *pöäl’*, *pa(a)l’* ‘густой, частый’, ненец. *pal’* ‘густой’, энец. *fod’e-me* ‘густеть, набухать’ [SKES: 474]⁹. Как в [SKES], так и в [SSA] эти сопоставления с прибалт.-фин. *paljo* признаются сомнительными (по нашему мнению, данные лексемы скорее могут быть родственными фин. *pullea* ‘толстый, густой, вспученный’).

Приведенные же выше факты указывают, что можно ставить вопрос о неисконности происхождения слова *paljo* в прибалтийско-финских языках.

В новейшем этимологическом словаре финского языка [SSA 2: 301] приводится (со знаком вопроса) германская версия: «фин. *paljo* < герм. **felu*, ср. гот. *filu*, др.-норв. *fjöl*, нем. *viel* ‘много’». Эта версия имеет давние традиции. Еще Дифенбах в 1851 г. высказал предположение о связи финского слова с германскими источниками. В 1869 г. В. Томсен в работе “Über den Einfluss der germanischen Sprachen auf die finnisch-lappischen” сопоставил фин. *paljo* с гот. *filu*, др.-норв. *fjöl* ‘много’. Т. Карстен, отмечая фонетические несоответствия между приведенными Томсеном германскими и финскими формами, допустил существование аблаутного готского **falu* и попытался обосновать

⁸ Она представлена в личных именованиях *Montaneuvo*, *Montapäivä*, *Montanen*, *Monta*, *Montopää*, **Montanahkää*, топонимах *Montola*, *Monnonkylä*, *Monnojjärvi* (все – в восточной Финляндии или северо-западном Приладожье), *Моныпелды* (в низовьях Онеги) [Nissilä 1975: 120, 124, 127, 141; Шилов 2002б: 151, примеч. 3].

⁹ К. Редей предполагает, что указанные самодийские формы могли послужить источником юкагирского *rojōi* ‘много, обилие’, *rojo-n* ‘много’, *rojumi-* ‘увеличиться, стать больше’ [Re-dei 1999: 41].

возможность существования готского наречия **faljō*- (общегерм. **poljā*-) [Karsten 1902] (см. также [Neuhaus 1908]; обобщение этимологий проведено в [Vries 1961]). Все указанные сопоставления А. Йоки считает некорректными [Joki 1973: 128]. Наконец, Х. Вагнер (Zeitschrift für celtische Philologie, Tübingen, XXIX, 1964: 303–304) связывал фин. *paljo* с кельтскими источниками: шотл.-гэльским *pailt*, бретонским *paot* “изобильный”, корнуэльским *pals* “много” [Joki 1973: 158].

Указанные версии представляются малоправдоподобными не только в силу некоторых фонетических, но и временных несоответствий (см. выше). По нашему мнению, если ставить вопрос о заимствовании, то на роль источника прибалт.-фин. *paljo* может претендовать русск. *более*, др.-русск. *болии*, *болье*, *боле* ‘больше, обильнее, лучше, достаточно, хорошо’. Неточное соответствие семантики (русское “больше” – финское “много”) не является, как нам кажется, непреодолимым препятствием к предложенному сопоставлению. Сложнее дело обстоит с фонетикой. Правильной рефлексацией слав. **bolje* является фин. **palje*, а не *paljo*. Возможно, последняя форма реализовалась во избежание омонимии с прибалт.-фин. *palje* “мех (кузнечный)” (старое германское заимствование, см. подробно [SKES, s.v. *palje*]).

1.4. К вопросу полицентризма (см. об этом явлении [Топоров 1995: 47]) – заимствованию (возможно, разновременному) в прибалтийско-финские языки одной (общей на индоевропейском уровне) лексемы из разных индоевропейских (германского, балтского, славянского) языков или разных диалектов одного языка (русского, древнерусского), см. известные случаи: прибалт.-фин. *tolppa* “столб” [SKES: 1338], *alttari* “алтарь”¹⁰. Добавим к этому и фин. *sieppi* (кар. *tšieppi*) и фин. *säppi*, заимствованные в разное время и/или на разных территориях из русск. *цепь*, диал. *чень*.

Весьма вероятно, что фин. *kirkko*, эст. *kirik* ‘церковь’ восходят к др.-швед. *kirkia* (или др.-в.-нем. *kirihha*. – А.Ш.) [SKES: 199]. Но карел.-ливв. *kirikkö*, людик. *kirko*, *kirikkö*, водск. *tšerikkö* допустимо связывать с пск.-новг. **къркы*, ср. *крѣкъвъ* в новгородской Минее XII в., а также название дер. *Кирково* близ городка Курско в западной части Деревской пятины (НПК, II: 588). На эту версию работает историзм: Корелу и Водь, в отличие от финнов и эстонцев, крестил не католический Запад, а православная Русь. Ср. такие термины христианской обрядности и мировоззрения, заимствованные прибалтийскими финнами из др.-русск., как фин. *raamattu* ‘священное писание, письменность, книга’ < *грамота*, *risti* < *крѣстъ*; *pakana* “язычник” < *поганъ*; *piessa* (карел. *bies-sa*) < *бѣсъ*; *pappi* < *понъ*; *räähkä* < *грѣхъ*, *kuoma* < *кумъ*, *tieru* < *миръ*, *pulvana* “языческий идол” < *бълванъ*, *sirnitsa* < *чърнецъ*, карел. *nedäli* < *недѣля*, более поздние фин. *säässynä* < *часовня*, карел. *pohrottša* < *богородица* и др.

1.5. Альтернативы между языками. В.А. Терентьев указал, что прибалт.-фин. *ranta*, *randa* “берег” может происходить не из герм. *strand*, а из балт. *krañtas* [Terent’ev 1990]. В пользу этого предположения (если, конечно, отвлечься от идей Й. Койвулехто и его последователей и исходить из общепризнанного временного приоритета балто-финских контактов перед германско-финскими) говорит наличие на древней (субстратной) восточной прибалтийско-финской периферии топонимов с элементом *ранда*, в репозиции к архаичному (зачастую – неприбалтийско-финскому) компоненту: *Рандобой*, *Рандобож* и др.

Прибалт.-фин. *ääri* “край, предел, граница” Й. Койвулехто возводит к прафин. **äie-re*/**äjä-re*, выводя данную форму из прабалт.-слав. **eg’(ē)*/**ēg’*- (ссылаясь на лит. *ežė* ‘то же’, лтш. *eža* “садовая грядка; межа на поле”, слав. **ěz-* > русск. *яз* “закол, рыболовная запруда”) [Koivulehto 1999: 8]. Но гораздо естественнее, если говорить о заимствовании, возводить прибалтийско-финское слово к русск. *яр* (< тюрк. *ja:r*) “край, обрыв”.

¹⁰ Предполагается заимствование финского слова из древнешведского, эстонского и ливского – из немецкого, а карельского и саамского (диалект Аккала) – из русского [SKES: 16–17].

Прибалт.-фин. *keppi* (фин. диал. *käppi, kepakka*) ‘палка, кривое деревянное орудие для молотбы, било’ выводят из швед. *käpp* [SKES: 182]. Но ср. и русск. диал. (северное) *кеп, кяп, кепок, кипок* ‘ручная молотилка, цеп; ручка цепа; било’ (при общерусск. *цеп*).

Фин. *siiri* ‘редкая ткань, марля; тонкая косынка, головной платок’ может быть корректно выведено из швед. *skir* “марля” [SKES]. Но ср. и др.-русск. **сѣръ* ‘небеленое домотканое сукно’, представленное в НГБ № 130 XIV в. в форме *хѣръ* (см. комментарий к этой грамоте [Зализняк 1995: 501])¹¹.

Особый случай – омонимия слов (с относительно близкой семантикой), которые могли быть заимствованы в финский из разных источников. Так, в единой статье этимологический словарь финского языка дает фин. *tonntu* ‘домовой, дух, оберегающий дом’ (во всех диалектах); ‘**болван, дурак, глупец**’ (Сатакунта, Хяме, Саво, юго-западные и юго-восточные диалекты), карел. диал. (Суоярви) *tonntu* – ругательно о ребенке (ср. и отыменный ойконим *Дондейла* в Южной Карелии. – А.Ш.); фин. *tonntuilla* (чаще в слэнге) ‘**вести себя глупо, копать, мешкать, волынить**’; *tonnta* ‘чёрт, привидение, “tonntu”’; **болван, дурак, глупец**; *tonnti* ‘дух, “tonntu”’; **непослушный, упрямый человек** (Корписелькя), **дурак, глупец** (Пудасъярви, Ингерманландия) < швед., ср. *tomte*, диал. *tomt, tomta* ‘домовой, “tonntu”’ [SKES: 1343].

Против сопоставления финского слова (с его вариантами) в значении “домовой, дух” со шведским источником возражений не возникает. Поэтому, если ограничиться этим сопоставлением, то значение “дурак, глупец, упрямец, лентяй” (выделены выше жирным шрифтом) следует отнести на счет собственно финского семантического развития. Но обращают на себя внимание следующие славянские данные. Праслав. **dunda* ‘толстая, грузная женщина, девушка’ реконструируется в праславянском словаре Ф. Славского (Т. 5) на основании южнославянских и карпатоукраинских данных [Аникин 1998: 218]. Сюда же относят словац. *donda* “кукла; рослая девушка”, укр. диал. *тундаві* “неповоротливый”, укр. диал. карп. *дінда* “неповоротливый, неуклюжий человек”, укр. диал. полесск. *дбнда* “бездельник”, блр. диал. *дўнда* “соня”, русск. диал. (северн.) *дўнда* – о толстом человеке и личные имена: польск. *Dunda*, русск. *Донда, Дунда*, блр. *Донда* [Аникин 1998: 218; Козлова 1994: 133–134; СРГК, 2: 10; Веселовский 1974: 103]¹². В свете семантики рассматриваемого финского слова, особенно интересны производные: блр. диал. *дундук* ‘тот, кто опьянел от курения’, русск. диал. *дундук* ‘толстяк, бездельник, глупец, бестолковый человек’ (откуда, видимо, марийск. *tundäk* ‘глупый’ [Raasonen: 147]. – А.Ш.), русск. диал. (ряз.) *дундуля* ‘дылда, верзила, болван, остолоп’ [Даль, I: 501; Аникин 1998: 221, примеч. 37]. Связь указанных славянских и финских слов представляется вполне вероятной. Тем самым, позволено ставить вопрос о заимствовании фин. *tonntu* в двух его разных значениях из разных источников – скандинавского и славянского.

1.6. Говоря об альтернативах в рамках одного языка-источника, мы ограничимся одним примером. Фин. *raataa* ‘работать, выполнять тяжелую работу (с 1749 г.; общепринимое, но редко в западных диалектах); вырубать подсеку, возделывать землю, рас-

¹¹ Казалось бы, здесь имеется несоответствие с каноническими примерами рефлексии др.-русск. *ѣ* в прибалтийско-финском: в древнейших финских заимствованиях как *ää* (ср. *määrä, läävä, lääti* с *мѣра, хлѣвъ, клѣтъ*), в карельских как *eä*; в более поздних – как *ie* (ср. *siippi, viesti* с *цѣнь, вѣсть*). Однако материал новгородских берестяных грамот показывает, что в древненовгородском койне существовали два типа рефлексов праслав. **ĕ*: [’ä] и [’ê] [Зализняк 1995: 43–44] (о рефлексии **ĕ* в восточнославянских диалектах см. также [Вендина 1998]). Первый рефлекс отразился в прибалтийско-финских заимствованиях в соответствии с указанными примерами (только их и дает [Mikkola 1938]), второй, начиная с XIII в., испытал переход в [и], что наглядно отразилось в графике берестяных грамот [Зализняк 1995: 24] и, соответственно, в ряде прибалтийско-финских славизмов как *-ii-* (см. ниже *siipata*).

¹² К славянским лексическим данным А.Е. Аникин указывает и балтийские параллели, например лит. *dūnda* “повеса, бездельник”, *dūnde* “толстозадая женщина; нахалка”, *dundūlis* “толстяк”.

чищать пашню (в диалектах финской Карелии и Саво); вырубать лес¹³, карел. *roatoa* ‘трудиться, работать, распахивать (поле)’, людик. *ruat(t)a* ‘работать; распахивать и засеять подсеку’, вепс. *rata* ‘работать’, ижор. *raataa* ‘работать, трудиться; расчищать (болота)’, эст. (сев.-вост. диалекты) *raadata* ‘расчищать лес (на пашне, поле)’; фин. диал. *raadoss* ‘новина, расчищенная подсека’, *raade* ‘расчищенная подсека; тяжелая работа’, людик. *ruad* ‘физический труд’; фин. *raataja*, карел. *roatajo*, людик. *ruadai* ‘труженик, работник’ (прибалт.-фин. > саам. Инари, колт., кильд., терск. *räättid* ‘валить, рубить деревья’) [SKES: 708–709; SSA, 3: 35]. Авторы SKES, ссылаясь на значение глагола, заимствованного в саамский, полагают, что развитие его семантики выглядело так: “вырубать лес, расчищать подсеку – выполнять работу – делать, совершать”. К этому приводится текст старинной руны, записанной в Тохмоярви (юго-западная Карелия) “Ehittiir goatajoo / Roatajoo, koatajoo / Ruun murhan musertajoo”, т.е. “Эхиттий ратай / Ратай – вырубавший / Дерево уничтожающий (убивающий)”.

Еще Я. Калима сравнивал фин. *raataa* с русск. *страдать* “страдать”, диал. “работать” [Kalima 1952] (ср. лтш. *strādāt* “работать”). Эта версия была проигнорирована в SKES, но принята новым финским этимологическим словарем [SSA, 3: 35] с указанием на русск. *страдать* ‘страдать, что-либо плохо, трудно делать; выполнять тяжелую работу’, *страда* ‘тяжелый труд, (земледельческая) летняя работа, жатва, спешное рабочее время’. Добавим к этому и данные [НРЭ: 219–220]: *страда* ‘легкие работы земледельца, особенно уборка хлеба и покос’ (Даль), др.-русс. “тяжелая работа; тягота, страдание”; *страдать* “страдать, мучиться; работать”, диал. также ‘усиленно трудиться; жать и косить’ (Даль). В иных славянских языках только “страдать, терпеть, мучиться, нуждаться, бедствовать, голодать”. Представляется, что в качестве возможного источника заимствования может быть рассмотрено и ст.-слав. *орати*, др.-русс. *орать* “пахать”, *ратай* “земледелец, пахарь; труженик, рабочий”, *ратѣва* “пахота” [СРЯ, 22: 114; CCC: 415, 579].

2. ПУТИ, МЕТОДЫ (РЕЗЕРВЫ ПОИСКА)

Здесь мы хотели бы обратить внимание на некоторые моменты, существенные при решении вопросов, обсуждающихся как выше (русские заимствования в финских языках), так и ниже (привлечение финских данных для решения задач собственно славянской лексикологии).

2.1. Ономастика (см. выше *ranta*, ниже – *salpa*, *siipata*). Этот резерв активно использовали О.Н. Трубачев, Е.А. Хелимский и ряд других исследователей (см. и программную работу [Никонов 1993])¹⁴. Однако при очевидной информативности и, можно сказать, неисчерпаемости данного источника, он, на наш взгляд, пока все же привлекается недостаточно активно. Конечно, потенциал топонимических данных неизбежно ограничен в семантическом отношении самой спецификой этого класса онимов. То же можно сказать о материале антропонимическом (и тесно связанным с ним ойконимическом). Но в совокупности эти два класса онимов покрывают значительные пласты лексики. Притом, в отличие от апеллятивной лексики, ономастика более устойчива во времени и дает нам подчас неоценимые свидетельства древнего языкового состояния и межъязыковых контактов.

2.2. Специфические особенности древних псковско-новгородских говоров; свидетельства берестяных грамот. Уже А.А. Шахматов [Шахматов 1915: 101–103, 329, 368]

¹³ Мы опускаем здесь приводимое в SKES значение “рвать, разрывать, раздирать”, объясняемое глаголом *raadella*, который, по нашему мнению, находится в связи с *raato* “падаль, мертвечина, труп, убитое животное” и может восходить к др.-русс. *драти*.

¹⁴ Так, на основании топонимических данных были реконструированы восточно-славянские диалектизмы **обиток* “остров” и **звозд* “лес” [Трубачев 1994; Шилов 2002в].

отметил специфически псковское развитие праславянского **dl* > *gl* и заимствование эст. *vigl* ‘вилы’ конкретно из псковского **виглы* (при общерусск. *вилы*). Существенно и указание на то, что вепс. *tugl*, эст. *tugl, togl, tügl* ‘щелочь’ заимствовано из псковско-новг. **мыгло* при слав. **mydlo*, русск. *мыло* (откуда фин., карел. *muila*) [Николаев, Хелимский 1990] (ошибочно об этом [SKES: 355; Koivulehto 1999: 323, примеч. 10]).

Учет отсутствия 2-й палатализации в древненовгородском диалекте (ярко представленного в текстах берестяных грамот) позволил возвести фин. *käävi, käämi*, эст. *kääv* ‘цевка, шпилька’ к др.-новг. **кѣвъ* (при др.-русск. **цѣвъ* > *цевка*) [Николаев, Хелимский 1990] (ср. также выше: *keppi*).

2.3. Расширение круга привлекаемой лексики как с финской, так и, особенно, со славянской стороны. Не гипнотизируя себя северно-русскими говорами, как основным (безусловно!), но не единственно возможным источником славизмов прибалтийско-финских и саамских диалектов, т.е. привлекая данные иных восточнославянских (и шире – славянских) диалектов, мы получаем огромный резерв этимологического поиска¹⁵. Напротив, игнорирование этих данных может привести к ошибочным заключениям, о чем свидетельствует нижеследующий пример из нашей собственной практики.

В свое время мы предположительно связали вепс. диал. *tippeita* ‘пятнать (при игре в пятнашки)’ [СВЯ: 570] с русск. диал. *тѣпать, тѣпнуть* ‘легонько ударить, схватить, укусить, ущипнуть’, приведенном как олонекское, у В.И. Даля (М. Фасмер, воспроизведя материал Даля, пишет о русском слове: “вероятно, звукоподражание” [Фасмер, 4: 60]). При этом было указано на неясность направления возможного заимствования. С “финской стороны” были привлечены фин. *siipata*, карел. *šiipata*, ливв. *šiipaija* ‘слегка задеть, дотронуться, ударить; трогать, касаться, задевать’ (см. об этом слове ниже), родственным которым могло оказаться вепсское слово; с “русской” же – *щипать*. Олонекское *тѣпать* в таком варианте выглядит местной традицией артикуляции. Переход ударения на первый слог (*щипáть* – *тѣпáть*) можно при этом списать на воздействие прибалтийско-финского субстрата [Шилов 2003a].

Однако более внимательное рассмотрение вопроса показало, что олонекское *тѣпать* отнюдь не является изолированным в кругу славянских языков. Как продолжения основы **tīpati* с корневым вокализмом в ступени продления редукции и семантической ‘касаться, надавливая; ударять’ (откуда далее ‘ступать, топтать; хватать; медленно делать; щипать, кусать, клевать’), трактуются болг. диал. *типан* ‘брыкать (о скоте); ударять; ступать, топтать’, серб.-хорв. *tīpati* ‘достигать, дотрагиваться’, словен. *tīpati* ‘ощупывать, осязать’, чеш. *tīpati se s čim* ‘медлительно что-то делать’, русск. волг., вят. *тѣпать* ‘тихонько ударить; схватить; украсть; укусить, клюнуть, щипнуть; идти тихонько, на цыпочках; красться’ и, наконец, олон. *тѣпаться* ‘играть в догонки’ [Варбот 1985: 29–31; 1988: 69]. Таким образом, олонекское слово географически оказывается на периферии ареала славянской лексемы, как бы на острие клина, сужающегося в северном направлении. При этом, его семантика тоже оказывается на периферии семантического поля слав. **tīpati*. Более того, к этому полю данная семантика (в изложении Ж.Ж. Варбот, т.е. без указания обязательного элемента игры – касания догоняющим догоняемого), казалось бы, и не примыкает. Но здесь помощь в решении вопроса как раз и приходит со стороны вепсского (Шимозеро) *tippeita* ‘пятнать (при

¹⁵ В конце концов, исходно подавляющая часть лексики северных русских говоров являлась общей с восточнославянской и шире – с обще- и праславянской. Но часть ее (не отраженная, причем, дошедшими до нас документами) со временем могла быть утрачена, в частности – заменена новообразованиями и заимствованиями. Потому-то рассмотрение русско-финских лексических отношений потенциально (да и реально, см. примеры в данной статье) будет ущербно при ограничении лишь этими говорами (а с “финской” стороны, подчас, – при ограничении лишь прибалтийско-финскими языками).

игре в пятнашки), т.е. ‘легонько коснуться, шлепнуть’. Вепское слово явно заимствовано из северного русского диалекта и не связано с прибалт.-фин. *siipata*.

2.4. Семантическая реконструкция. В подавляющем большинстве случаев, если не во всех, семантика заимствованного слова и его этимона тождественна (в момент заимствования). Собственно говоря, эта тождественность является одним из критериев достоверности этимологического анализа заимствованной лексики (см., например [Хелимский 1995: 5–6]). Вместе с тем, представляется, что для достаточно ранних языковых контактов необходимо считаться с возможностью позднейшей (или предшествующей) семантической эволюции лексем как по ту, так и по другую сторону “точки заимствования”¹⁶ – эволюции, процесс которой не всегда бывает отражен современными говорами или ранними письменными документами. Естественно, далеко не всякие виды семантического сдвига уместно рассматривать в подобных реконструкциях: это таит опасность безудержного, ничем не ограниченного произвола в этимологических построениях. Но и полный отказ от рассмотрения подобных дилем вряд ли оправдан. Ниже будут рассмотрены два случая: учет языковой универсалии, имеющей общий характер (*salpa*) и приведение семантики русской (славянской) и финской лексем в позицию нейтрализации (*sulikka*). Мы полагаем, что подобные штудии имеют определенную перспективу при строгом, критическом подходе к анализируемому материалу.

3. ЗНАЧЕНИЕ СЛАВИЗМОВ ФИНСКИХ ЯЗЫКОВ ДЛЯ СОБСТВЕННО СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Обычно межъязыковые контакты изучаются с акцентом на их последствия для языка-реципиента; значение же соответствующих данных для истории языка-донора зачастую игнорируется. Вернее сказать, ценность соответствующих данных априори признается¹⁷, но это признание далеко не всегда воплощается в конкретные исследования. Приходится, к сожалению, констатировать, что данная ситуация имеет место и в области изучения славяно-финских лексических отношений: при несомненном понимании их важности для собственно славянской филологии, соответствующие изыскания воспринимаются, все же, в известной степени, как маргинальные.

Традиционно ранние славизмы финских языков привлекались как свидетельства фонетического строя древнерусского языка. Неоднократно отмечалось, что древнейшие славизмы прибалтийско-финских языков позволяют судить о наиболее архаичном состоянии некоторых славянских (новгородско-псковских) диалектов, имевшем место в VI–VII вв. (и, возможно, в течение еще нескольких столетий). Они свидетельствуют о сохранении общеславянского неполногласного вида групп **TorT* и под. (фин. *palttina* < **poltyno* > др.-русс. *полотьно*, фин. *varpu(nen)* < **vorpii* > русск. *воробей*)¹⁸,

¹⁶ Так, на основе анализа около 500 лексем неисконного происхождения в русских говорах Обонежья, С.А. Мызников указывает, что в ареалах, расположенных в непосредственной близости от прибалтийско-финского языкового континуума, семантика русского слова, имеющего соответствия в языках-источниках, тождественна или сходна с таковой для прибалтийско-финского этимона. При удалении от ядра распространения слова семантика его приобретает диффузный характер. Точное или близкое соответствие семантики наблюдается в 50% изученных случаев; сужение семантики – в 25%; семантический сдвиг ассоциативного типа – в 20%; расширение семантики – в 5% [Мызников 2003а: 418]. К развитию (сдвигу) семантики русских заимствований из прибалтийско-финских языков, происходящему в рамках языковых универсалий см. также [Сенкевич-Гудкова 1970; Теуш 2003].

¹⁷ См., например, сборник “Славянские языки в зеркале неславянского окружения” (М., 1996).

¹⁸ См., впрочем, и замечания А.М. Селищева по поводу подобных сопоставлений у Н.Н. Дурново и Л.А. Булаховского. По мнению Селищева, сочетания типа *al*, *ar*, *är* между согласными на финской почве могли возникнуть из славянских полногласных *olo*, *oro*, *ere*. Безударный гласный при переходе в другую фонетическую (языковую) систему мог подвергнуться редукции [Селищев 1968: 166–167, 191].

носовых (фин. *kuontalo* < **kōdēľ* > русск. *кудель*), произношении **ъ* и **ь* как кратких *и* и *і* и в сильной, и в слабой позициях (фин. *turku* < *tъrъgъ*, фин. *akkuna* < *о́кно*, фин. *sirppi* < *сърпъ*, фин. *lusikka* < *лѣжка*), а также долготной корреляции гласных [Mikkola 1938; Якубинский 1953: 127, 134, 139; Георгиев 1964]. В работе [Николаев, Хелимский 1990] показано, с привлечением данных [Зализняк 1995], что прибалтийско-финские славизмы могут служить дополнительным источником при решении вопроса о первичном соотношении *о*-основ и *и*-основ мужского рода в славянском.

Гораздо реже прибалтийско-финский (и саамский) материал привлекался для решения лексикологических задач славянского языкознания. В качестве одного из немногих исключений назовем крайне содержательную работу Я. Калимы [Kalima 1933]. Из ее результатов отметим наиболее интересные:

– С учетом характерных отглагольных образований на *-ба* (*гонять* – *гоньба*, *резать* – *резьба* и т.п.) на основании коми-зыр. *strōiba* и морд.-эрзян. *stroiba* “здание, строение” реконструируется русск. **стройба* (от *строить*);

– На основании карел. *bordobit'ša* реконструируется русск. диал. **бородовица* (ср. *бородавка*);

– Вепс. *oblesjan*, коми-зыр. *oblez'ana* документируют диалектное *облезьян(а)* при русск. литерат. *обезьяна* (в документах форма *облезьян(а)* зафиксирована в XVII в. – А.Ш.);

– Карел. диал. (Тулдозеро) *skamni* и горно-марийск. *skamña* “скамья” говорят о былом функционировании в русских диалектах этимологически правильного **скамня* (из греч.), представленного ныне в этой форме лишь в украинском;

– В карел. *pait'šos* (ср. *пачесь*), фин. *päistar* (ср. *паздеръ*) необычна рефлексация постулируемого русск. *на-*. Вероятно, здесь (в соответствующих русских диалектах) и было не **на-*, но **най-*, ср. северн. диал. *байна* “баня” (и такие топонимы Карелии как *Байноболото*, *Байонный остров*, *Баенная Гора* [Шилов 2003б])¹⁹;

– В “Печорских былинах” Ончукова регулярно присутствует *jo-* вместо *о-* (*ёбення* вм. *обедня*, *ёрда* вм. *орда*, *ёхвота* вм. *охота*, *ёчунь* вм. *очень*). Поэтому коми-зыр. *jokiš*, *jokuš* “окунь” позволительно возводить к русск. диал. **ёкуишъ* (при *окуши*, *окушки* архангельских говоров у Подвысоцкого). Кстати, это предположение оказывается существенным и для финно-угристики, выводя коми-зырянское слово с аномальной формой из круга сопоставлений Т. Лехтисало: коми.-зыр. *jokiš* при удм. *juš*, хант. *iew*, *iaw*, *joh*, самод. *nihe* (*ni*- вторично) ‘окунь’ [Lehtisalo 1933: 235].

Как видно, работа Калимы затрагивает лишь некоторые вопросы севернорусской диалектологии. Однако (см. ниже *сосна*, *шуляк*) заимствованная прибалтийско-финская (как и любая иная, контактирующая со славянской) лексика является огромным и в должной степени недооцененным (см. по этому поводу во многих публикациях А.Е. Аникина) до сего времени резервом для решения более широких проблем собственно русского и славянского языкознания. На этом фоне, кстати, выделяются работы Е.А. Хелимского по реконструкции или верификации фонетического облика и семантики ряда славянских лексем из данных венгерского языка [Хелимский 2000: 416–432, 452–455].

При этом, как представляется нам, показания многих финских (шире – финно-угорских) славизмов для русистики оказываются тем более информативными, чем на более широком славянском фоне они выявляются и рассматриваются.

¹⁹ В связи с этим возникает вопрос: если в какой-то период на Русском Севере на месте русского *-а-* первого слога регулярно звучало [ай], не дает ли это возможность предложить русские этимологии некоторых финских слов? Так, фин. *haippu* “редкорастущий (лес)”, *haipria* “редеть, тощать, худеть”, эст. *haip* (genit. *haibu*) “незаросшее (слабозаросшее) место (в хлебах)” [SKES: 48] может быть сопоставлено со славянским **xaba* “ущерб, вред” (в [ЭССЯ, 8: 7–9] дано с примерами, характеризующими объект номинации как слабый, убогий, старый); **xabiti* ‘портить, вредить, губить, делать впустую’.

Обозначим лишь некоторые вопросы, решению которых может способствовать привлечение данных о славизмах финских (финно-угорских, уральских) языков.

3.1. Изъятие фантомов, привлекаемых для славянских (праславянских) реконструкций. Пренебрежение иноязычными, в нашем случае – финно-угорскими, данными может порождать фантомные этимологии или, в лучшем случае (слово “лучший” здесь следует брать в кавычки), вводить в круг славянских лексем лишь внешне родственный, но, по сути, инородный материал (см. к этому [Аникин 1995; 2000a]). Порой в круг слов, на основании которых строятся (или подкрепляются) праславянские реконструкции, неправомерно включаются заимствования из неславянских языков, в том числе – даже из фонда достаточно хорошо изученных пластов русской заимствованной лексики. Так, следует отвергнуть привлечение слова *тюлень* (с реконструкцией **твелень*) в лексическое гнездо славянского глагола *тыти* (с производными *тул*, *тыл*, *тучный*, *тволага* и т.п.) [Трубачев 1994: 10–11], ибо оно является заимствованием из саамского²⁰. Равным образом, из числа дериватов русск. *коса* “узкая песчаная отмель” необходимо исключить привлекавшиеся (на основании материалов СРНГ) северн. диал. *кóска* “вытянутая отмель, коса, островок”, *кóшка* “песчаная или каменистая отмель, песчаная коса на взморье” [Влаич-Попович 2003: 55], которые являются заимствованиями из финских языков (подробно о соответствующих северно-русских и финских данных см. [Мызников 2003a: 236–238; Шилов 2004]).

3.2. Уточнение (обогащение) истории слова в русском языке. Здесь чрезвычайно показательным и поучительным видится следующий пример. Задолго до находки новгородских берестяных грамот, содержащих слово *хамъ* ‘полотно’ (№ 288, начало XIV в.) и уменьшительное к нему *хамецъ* (№ 644, начало XII в.) [Зализняк 1995], – в середине XIX в. – М.А. Кастреном у тазовских селькупов было записано слово *qam* ‘холст, полотно, платок’, явно заимствованное ими у новгородцев, проникших в Тазовскую губу Мангазейским морским ходом в XV–XVI вв. [Хелимский 2000]²¹. До этого факт существования данного слова (как полагают – германского происхождения, но, возможно, проникшего в древнерусский язык через финское посредство) в русском языке основывался исключительно на его дериватах *хамовник* ‘ткач’, *хамовный* ‘ткацкий, полотняный’, известных лишь с XVI в.

3.3. Реконструкция элементов разрушенных лексических гнезд. Хорошо известно явление разрушения лексических гнезд, под которым в данном случае мы подразумеваем утрату той или иной исконной лексемы конкретным языком или говором (группой говоров). Одним из источников реконструкции таких лексем, наряду с ономастикой и данными родственных языков, является лексика иноязычная. Пример такой реконструкции для слова **kortama* ‘аренда’ вымершего языка Заволочской Чуди из данных русских диалектов представлен в [Шилов 2000] (там же указаны и иные подобные примеры). Реконструкция ряда исконных славянских лексем, утерянных севернорусскими говорами, на основании русизмов в коми языке произведена в [Аникин 2000a].

²⁰ Это слово входит в широкий круг заимствованных (из прибалтийско-финского и саамского) славянами названий северных рыб (*таймень*, *камбала*, *палтус*, *кумжа* и др.) и морских животных (*нерпа*, *морж*, *нюрлик* “вид тюленя”). М. Фасмер, ссылаясь на Й. Микколу и Я. Каллима, указывает на заимствование русск. *тюлень* из саамского, приводя саам. вост. (очевидно кольское. – А.Ш.) *tul'l'a*, саам. норв. *dullja* “вид тюленя” [Фасмер 4: 135]. В словаре говоров кольских саамов Т. Итконена [KKLS] такого слова, однако, нет. Но его бывшее функционирование документируется названием протоки *Тюлле* (в басс. р. Ковда – на стыке Кольского п-ва с Карелией), близ которой лежит оз. *Нерпозеро* (напомним, что нерпа – самый распространенный на Русском Севере вид тюленя).

²¹ Лишь в 1991 г. был введен в научный оборот сибирский документ 1747 г., содержащий *хам* ‘полотно’ [Аникин 2000б, s.v. *чутар*].

В рамках темы данной статьи чрезвычайно показательным нам видится следующий пример. “Прибалтийско-финское *kurkku* ‘горло’ (фин. *kurkku*, вепс., эст. *kurk*, ливск. *kurkk* и др.²²) фонетически безупречно возводится к слав. **kъrkъ* ‘шея, горло’, что делает излишними конкурирующие скандинавские и финно-угорские этимологии этого слова, см. [SKES]. Основным контраргументом для исследователей, не принимающих этой достаточно старой этимологии (Миккола, Калима, Плёгер), служит, очевидно, отсутствие предполагаемого славянского источника в русском языке. В южно- и западно-славянских языках слово, однако, хорошо известно (серб.-хорв. диал. *kŕk* ‘шея, горло, гортань’, чешск. *krk*, словин. *kark* ‘шея’ и др.²³)” [Хелимский 2000: 349–350]. От себя отметим еще др.-русс. (1068 г.) *Кърчевъ* ‘Керчь’, что обоснованно выводится из **kъrkъ* ‘горло (пролив)’ (А.И. Соболевский, О.Н. Трубачев), а также ст.-слав. *кръкнути* ‘издать звук, подать голос’ [ССС: 296], русск. диал. северн. *куркукнуть* ‘произвести какой-то звук, вскрикнуть’ [СРГК 3: 67].

Случаи, когда прибалтийско-финские данные позволяют судить о былом бытовании на Русском Севере общеславянской лексемы (не зафиксированной на данной территории современными словарями) потенциально многочисленны. Остановимся на одном из них.

Фин. *siipata*, карел. *šiipata*, ливв. *šiipaja* ‘слегка задеть, дотронуться, ударить; трогать, касаться, задевать’ в [SKES: 1016] дается без внешних сопоставлений. Нам же представляется перспективным сравнение²⁴ со слав. **sěpati* ‘делать резкие, отрывистые движения’ > ‘трясти, дергать’, отразившимся в русск. диал. *сѣпать* ‘дергать’ (зап.), ‘тянуть рывками’ (дон.), *сѣпáть* ‘клевать (о рыбе)’ (дон.), блр. *сѣпаць* ‘дергать, тяжело дышать; говорить зло, кричать’, *сѣпнуць* ‘ударить, дернуть, шмыгнуть’, укр. *сѣпати* ‘дергать’, польск. *siepać* ‘трясти’, н.-луж. *sepaś* ‘колотить, стучать, трепать, бить(ся)’, диал. (о птице) ‘клевать, хватать, щипать клювом’, словацк. диал. *sepkat* ‘трясти; держать; подскакивать’ болг. *сѣпамъ* ‘задержать, мешать, подставить ногу, осаживать, сдерживать’ [Куркина 1994].

Как видно, в северной части восточнославянского ареала рассматриваемая лекическая основа не зафиксирована. Косвенным свидетельством ее былого функционирования здесь могут рассматриваться антропониимы и ойконимы: *Сипяга Бодейн* в Торжке (начало XV в.) [Веселовский 1974], *Сипягин* в Галиче Мерьском (1677 г.), сельцо *Сипягино* на р. Польница к западу от Москвы (1694 г.) [Кусов 1993: №№ 279, 719]. Но еще более убедительным свидетельством в пользу былого функционирования слова в севернорусских говорах нам видятся именно приведенные выше финские данные. Отметим, что здесь мы имеем дело не со звукоподражательным (когда фонетическая близость разноязычных слов вполне возможна и даже ожидаема), а с экспрессивным глаголом.

3.4. Этимология собственно славянских лексем. Интересно, что подчас прибалтийско-финская лексика оказывается показательной для решения диллем славянской этимологии безотносительно к вопросу о характере связи финских и славянских лексем. Проиллюстрируем это положение двумя примерами.

[НРЭ: 161–163] дает русск. *пѣнтіѡхъ* ‘желудок, живот, брюхо; ягодицы, зад; обжора, лентяй’ и др.; *пендіѡрѣти* ‘есть; делать плохо, кое-как’, *пендерѣти* ‘сжимая, колотя и т. п., измельчать, раздроблять’, признавая правдоподобной связь с *пнѹти*, *пнати* (**р̑п̑nati*, **р̑p̑eti*). Вместе с тем, приводятся и другие версии, как признание того, что вопрос, все-таки, не решен. Мы полагаем, что для этимологии русского слова небезын-

²² При исконном (общеуральском) *nielu* ‘горло, глотка’. – А.Ш.

²³ Приводя под вопросом славянскую версию [SKES: 245], дает еще др.-болг. *krъkъ*, польск. *kark*. – А.Ш.

²⁴ Возможно, сюда же следует привлечь и фин. *sipaista*, *sivaista*, карел. *sibašša* ‘легко задеть, дотронуться, ударить’ [SKES: 1053].

интересен (как бы ни интерпретировать его происхождение, см. ниже) следующий финский материал: фин. *päntätä* ‘колотить, рубить, крепко бить; жать, давить; набивать, наполнять (напр., живот – пищей, питьем)’ диал. *pentata* ‘расходовать, растрачивать добро’, в юго-вост. финских говорах ‘крошить, измельчать, топтать’, ливв. *päntätä* ‘есть до отвала’. Как минимум, часть этого материала сопоставляется со швед. *bända*, имеющего, в числе прочих, значения ‘напрягать изо всех сил; жать, давить; жадно есть или пить (в выражении *bända i sig*)’ [SKES: 684]. Как видно, указанным финским и шведским лексемам свойственно сочетание значений “бить, жать, давить и т.п.”, с одной стороны, и “наедаться, набивать брюхо, жадно есть” – с другой. А это (вне зависимости от того, каким окажется их отношение к русск. *пентюх*, *пендюрить*, *пендерить*) свидетельствует в пользу вышеуказанной версии происхождения русского слова.

Другой пример: русск. *серпьянка*, *серпьян* ‘редкая льняная ткань’, укр. *серпанок* ‘кисея; головной убор женщин’, польск. *sierpanka* ‘тонкая ткань, покрывало’ обычно производятся из перс.-турецк. *särpänäk* ‘женский головной убор’ при перс. *sār* ‘голова’ [Фасмер, 3: 610]. Но эти сопоставления представляются неполными: ср. фин. *särppi* ‘(тканый, длинный) шейный платок; богатый (шелковый или вышитый) пояс’, *serppi* ‘широкий пояс невесты; шейный платок, косынка’, что выводят из швед. *skärp* ‘пояс, ремень, бретелька, лямка’ [SKES: 1172]. Данный пример заставляет задуматься об истинном происхождении русского слова – не есть ли это “блуждающий культурный термин”. Во всяком случае, прямолинейное решение о восточном источнике заимствования представляется уже не столь очевидным (могло ли подобное заимствование далее проникнуть через русский в финский, а затем – в шведский, или это независимые заимствования раннего периода на “Великом шелковом пути”?).

3.5. В данном разделе мы рассматриваем ряд случаев, когда потенциальные, “неочевидные” с семантической точки зрения, заимствования из русского (славянского) в финские языки могут быть привлечены для решения тех или иных проблем славянского языкознания.

3.5.1. Финское *salpa*. Данная лексическая основа представлена только в северной группе прибалтийско-финских языков: фин. *salpa* (зафиксировано с середины XVI в.), карел. *šalpa*, *šalba*, ливв. *salbu*, людик. *salb*, *salv*, вепс. *saub*, *soub* “запор, засов, задвижка, замок” (в вепсском еще: “крышка колодца, ставня, заслонка”) (но фин. *panna salpa* ‘преградить дорогу чему-либо’); фин. *salvata*, карел. *šalvata*, людик. *salbata*, вепс. *saubata* “запирать, закрывать, загораживать, преграждать” (в вепсском еще: “запрудить воду”); фин. *salpaus* “запирание (на засов)”, карел. *šalpaus* “рыболовный закол, запруда в реке или заливе; устье меж двух озер”, людик. *salbado* “запруда, плотина” [SKES: 956–957]. Как видно, здесь реализуется как узкое понятие запора, засова, так и более широкое – преграды *par exelence*.

Словарь SKES дает для *salpa* лишь прибалтийско-финский материал²⁵. Однако в [SSA, 3: 149] уже приводится этимология Й. Койвулехто [Koivulehto 1981: 164–165]: фин. *salpa* < прагерм. **stalpa(n)*-; ср. др.-норв. личное имя *Stalpi*, швед. диал. *stalbe* ‘столб’ (при швед., норв. *stolpe* > фин. *tolppa* ‘столб’. – А.Ш.). Эта этимология сомнительна как по фонетическим, так и по семантическим соображениям²⁶.

²⁵ Из прибалтийско-финского заимствовано саам. (норв. диал., Инари, колт., кильд.) *salpe* “запор, засов”, *sälbidid* “закрывать двери, запирать”.

²⁶ О семантической эквилибристике Й. Койвулехто (при аргументации его, мягко говоря, нетривиальных этимологий финно-угорских слов из германских и индоевропейских источников), см. аргументированную критику Е.А. Хелимского [Хелимский 1995].

Относительно фонетики: рефлексация прагерманского (и прабалтского) **stV*- как прафинское **sV*- (наряду с рефлексацией прагерм. **sV*- как прафинск. *šV*-) является ноу-хау Й. Койвулехто, изобретенном уже в ранний период его “германского наступления” на финно-угристику [Koivulehto 1976: 248]. Соответствующие доказательства основаны исключительно на этимологиях самого Койвулехто [Koivulehto 1999: 8, 14, 155, 156], не верифицируясь классическими

Зато, с учетом семантической универсалии: “дверной порог” ← “препятствие, перелом, перебой (для движения)” → “речной порог”, интерес для этимологии прибалтийско-финского слова²⁷ представляют славянские данные. Значение “волна, водоворот, водопад, порог” присуще серб.-хорв. *slap*, макед., болг. *слан*, словен. *slâp*, чеш. *slap*, ц.-слав. *сланъ*, возводимым к глагольной основе со значением “прыгать”²⁸ (ср. типологически фин. *hurruus* “небольшой водопад” при *hurre* ‘прыжок’, *hurrillä* ‘прыгать’ [Шилов 2004]; слав. **скокъ* “водопад, порог” (также “мельничный желоб”) [Иллич-Свитыч 1960: 228], уральск. *скок* “речной перекат” [СРНГ 38: 52] при *скакать*; русск. диал. (сиб.) *прядун* “водопад” при *прядать* “прыгать” [Мурзаев 1999, s.v. *прядун*]).

На восточно-славянской территории обнаруживается лишь укр. диал. полесск. *совна* ‘быстрое течение воды (на камнях или какой-либо другой преграде)’ [Никончук 1986: 170] и топонимы *Солна* (пороги на реках Мста и Великая), *Солоповка* (р. басс. Исети), *Сульна*, ранее *Солна* (пр. Лозьвы), *Соплеск* < **Солпеск* (пр. Печоры), *Солопов верх* (басс. Зуши – пр. Оки), *Салоповка* (пр. Тарусы, притока Оки) [Шустер-Шевц 2000; Матвеев 2000; Афанасьев 1996; Смолицкая 1976], свидетельствующие о былом функционировании здесь апеллятива **солна* в качестве местного географического термина.

Итак, со “славянской стороны” мы не видим значения “порог дверной, запор”, но такие примеры, как ц.-слав. (въ)*сланити* “удерживать, укрощать”, укр. *совн*, серб.-

примерами германских и балтских заимствований в прибалтийско-финском (ср. фин. *tuudi* < др.-швед. *stup* [SKES]). Да и сам Койвулехто, например, выводит фин. *tarpoa*, саам. *duorbot* ‘торбовать, вспугивать рыбу (загоняя ее в сеть) с помощью шеста’ из др.-герм. **staur-*, отразившегося по его мнению, с одной стороны, в нем. *stören* ‘мешать, беспокоить’, с другой – в др.-исл. *staurr* ‘шест’ [Koivulehto 1999: 130]. Примеры Койвулехто таковы:

– прибалт.-фин. *syрjä* (с волжскими соответствиями; см. в [SKES] и *siiri*) ‘край (земли, поселения, территории), окраина’ < прабалт. **sturja-* (> лит. диал. *stūris* ‘угол; ребро, край, кайма’, лтш. *sturis* ‘угол; крайняя часть; расстояние; местность’;

– фин. *sara* ‘осока, Carex’ (SKES дает только прибалт.-фин. материал) < прагерм. **starra* (швед. *starr*);

– фин. *suota* ‘стадо лошадей, оленей’ (SKES дает первичную семантику “течка”) < герм. **stōða* < **stādho-* [ср. русск. стадо. – А. III.] при нем. *Stute* ‘кобыла’;

– прибалт.-фин. *sortaa* “рубить (лес)” < прагерм. **sturt + ja* (> ср.-нем. *stürzen* “опрокидывать, падать”);

– прибалт.-фин. *suuri* “большой” < герм. **stura-* (= др.-инд. *sthura-* “крупный, толстый, густой, большой”) > в.-нем. *stur*, н.-нем. (бременское) *stuur* “сильный, толстый, большой”. При этом Койвулехто не привлекает швед. *stor* “большой” (откуда саам. *stuora* “то же”), возводя его к герм. **stora-* (соответствующего иран. **šura*). Ср. с постулируемой вокалической рефлексацией в предыдущем случае. Отметим, что прибалтийско-финское слово имеет волжские параллели со значением “крупна, хлебное зерно”, что типологически оправданно, см. примеры, даваемые в [SKES, s.v. *suurimo*]), а также слав. **obvilje* “урожай зерна; богатство; множество”.

Единственный “классический” пример, привлекаемый Й. Койвулехто – это прибалт.-фин. *seiväs* “шест, кол” (при эст. *teivas*, *tevas*, *teib*, ливск. *taibaz*, *taib*) < балт., ср. лит. *stiebas*, *staišis*, лтш. *stiba* “то же” [SKES]. Но этот пример никак не может подкреплять вышеуказанную идею Койвулехто. Балтское **sti(e)b-* закономерно давало др.-фин. **tiep-*, что, по известному в др.-фин. переходу *ti* > *si*, и привело, в конечном итоге, к нынешним фин. *seiväs*, *seipa*, карел. *šeiväš*, *šeibäš*, вепс. *seibaz*, *siibaz*, эст. диал. *saives*, *saihas*.

²⁷ Согласно данным автора [Шилов 2004], в прибалтийско-финской и саамской лексике (и топонимии) универсалия “дверной порог” ← “порог как препятствие, перелом, перебой (для движения)” → “речной порог” не реализуется, в отличие, скажем, от славянской и балтской (ср. русск. *порог*, лит. *slėnkstis*, лтш. *sliekšnis* “дверной порог; речной порог” [Невская 1972: 363]). Прибалт.-фин. *kynnys* имеет лишь значение “дверной порог”; вепс. диал. *narvaine* “дверной порог” к объяснению названия р. Нарва (имея в виду ее 7-метровый водопад) привлекалось необоснованно [Шилов 1999: 68]. Но это не значит, что данная универсалия априори чужда сознанию прибалтийских финнов, см. далее.

²⁸ Подробно о семантике и этимологии славянской лексической основы см. [Иллич-Свитыч 1960; Трубаев 1963: 177; Аникин 1985; Шустер-Шевц 2000].

хорв. *šip* “устройство, род запруды для ловли рыбы” [Аникин 1985] все же свидетельствуют об эволюции семантики славянской лексической основы в сторону значения “препятствие для движения”²⁹. С “финской стороны”, в свою очередь, для слова *salpa* не отмечено значения “речной порог” (как нет в Финляндии и Карелии, по имеющимся у нас данным, и соответствующих названий порогов), хотя есть значение “запруда на реке”.

Однако четкое фонетическое соответствие между славянскими и финскими лексемами и их семантика, позволяющая возвести обе их группы (в позиции семантической нейтрализации) к общему понятию преграды, показывают, что здесь, скорее, имеет место не случайное совпадение, но заимствование. Вместе с тем, имеющиеся данные недостаточны для того, чтобы определенно говорить об обстоятельствах предполагаемого нами процесса заимствования (с точки зрения его времени, места и конкретного значения заимствуемой лексемы). Можно лишь предположить, что заимствование осуществилось в соответствии со схемой: вост.-слав. **solp-/sъlp-* “порог” → “препятствие (запруда)” > фин. *salp-* “препятствие (запруда)” → “засов, задвижка”. Таким образом, мы имеем дело не с бифуркацией значения “преграда”, а последовательным развитием семантики (с “перешагиванием” языковой границы, момент такового перешагивания уловить трудно): “порог речной” – “преграда” – “порог (запор) дверной”.

В качестве примера обратного семантического развития при заимствовании – примера, в какой-то мере оправдывающего реальность нашего семантического построения, – приведем следующий. Согласно [SKES: 296], из герм. *klinke* (ср.-н.-нем., дат. *klinke*, швед. *klinka*) “дверной засов, щеколда” были заимствованы эст. *link*, *klink*, саам. (норв.) *kliŋ'ka*, *liŋ'ka* и фин. *klinkku*, *linkku* “дверная щеколда, засов”³⁰. Мы полагаем, что фин. *linkku* “засов, запор” послужило метафорическим истоком фин. диал. *linkka* “обрыв, высокий водопад”³¹.

3.5.2. Финское *suosto*, саамское *suosto*, *šošna*. Согласно [SKES: 1120], фин. *suosto*, *suostu*, *suosku*, *suisto*³² ‘стоймя засохшая сосна; большая полусухая сосна, еще имеющая кору внизу’, *suostua*, *suostuda* ‘превращаться в “suosto” (о сосне); становиться перезрелым (о дереве)’ происходят из саамского источника. Ср. саам. швед. *suosto*, *Umeo suass-toi* “полусухая сосна”, норв. *suosto* “сгнившая сердцевина древесного ствола”, *suostot* “гнить (о дереве)”. Наше внимание привлекли формы слова в центральных и восточных саамских диалектах: Луле *suosno* “внутренняя гниль (в дереве)”, *suosnot* “гнить (о дереве)”, норв. диал. *suosnie*, Инари *šušna* “большая полусухая сосна”, колт., нотоз. *šošna*, кильд. *šošN* “suosto”, на которой еще держится кора’.

Насколько мы знаем, эти данные не сопоставлялись со славянским *сосна*. Между тем, такое сопоставление напрашивается (ввиду явной фонетической и семантической близости терминов), представляя интерес для этимологии самого славянского слова. Как известно, для слав. *сосна* предложены две основные этимологии. Первая связывает название дерева с цветом его коры, ср. и.-е. **kasnos* “серый”, др.-прусск. *sasins* “за-

²⁹ Не вполне ясным для автора остается отношение (в семантическом плане) к рассматриваемому славянскому слову лит. *salpà* ‘остров на реке или озере; пространство земли, не затопляемое во время наводнения; затопляемый во время наводнения луг; небольшая бухта, залив’, *satpas* ‘залив; высыхающий летом рукав реки’ [Невская 1972: 360] при н.-луж. *stòp* (< **solpъ*) ‘затопляемая при таянии снегов, долгое время находящаяся под водой, преимущественно глиняная почва, затвердевающая при отходе воды’.

³⁰ Кстати, мы не исключаем родство германского (кентумного) *klinke* “засов, щеколда” с литовским (сатэмным) *slenkstis* “дверной порог; речной порог”.

³¹ Это слово не встретилось в доступных нам словарях, но привлекается для объяснения ряда названий порогов на реках северо-востока Швеции: *Jokinlinkka*, *Mestoslinkka*, *Linkka* и др. [Swedell 2001]. В [KKLS: 408, 412] через определение “linkka” объясняются саамские термины *pussi* и *puolbpe* “небольшой водопад”.

³² Можно допустить и существование соответствующего карел. **šuošto*, ср. название р. *Шошма* в басс. Водлы.

ящ". Вторая указывает, что *сосна* (< **sopsna*) это не просто дерево *Pinus silvestris* (для обозначения которого у славян имелись термины *хвоя*, *бор*), но дерево с дуплом – естественным или выдолбленным под борт, что позволяет связывать *сосна* с *сопло*, *сопети* [Фасмер, 3: 727, дополнение О.Н. Трубачева; Толстой 1978]. Подчеркнем, что саамско-финские термины обозначают не сосну как таковую³³, но сосну с определенными дефектами – усыхающую³⁴, с облетающей корой, либо со сгнившей сердцевинной (притом, что дупло, какместилище именно для пчелиного роя, для Крайнего Севера было, конечно, неактуально – еще Иордан в VI в. отмечал отсутствие на Европейском Севере “медоносного роя”). Тем самым, как нам кажется, финский и саамский материал свидетельствует в пользу второй этимологии, указывая на первичную семантику (resp. этимологию) славянского слова – “дефектное (дырявое) дерево (сосна)”.

Совершенно неясными, к сожалению, пока остаются время и пути (место) проникновения славянского слова в саамский язык. Имеющиеся у нас предположения на этот счет носят умозрительный характер.

3.5.3. Финское *sulikka*. В единой статье [SKES: 1101] дает фин. *sulikka* ‘недоросшая щука, весьма маленькая щука; низкорослый лес, малорослое дерево; шустрый, проворный ребенок’, *sulikko*, *haukisulikko* (при *hauki* “щука”) “маленькая щука”, карел. *šul’ikka*, *šul’ikkan’i* “маленькая тощая щука”, трактуя их как дескриптивные слова. Вычленив общий признак для всех приведенных значений, получаем итог: “нечто недозрелое, неполноценное (против ожидаемого); отчасти вредное”.

С учетом этого, заслуживают внимания следующие славянские данные [Даль; Толстой 1971; Осипова 1994; Аникин 2000б: 700]³⁵:

- Укр. *шуляк*, *шулик* “капуста, не выросшая в кочан”, *шуляк*, *шульок*, *шулька* “початок кукурузы”; блр. диал. *шуляк*, *шулекь* “пустой кочан капусты”; слвц. *šulek* “кукурузный початок, очищенный от зерна”; чеш. *šulistka* “засохший фрукт”; серб.-хорв. *šulac* “вид капусты”, *šulak* “пустой желудь, лесной орех без ядра; засохший плод”.
- Русск. *шуляк*, *шулик*, укр. *шуляк*, *шуліка* “коршун, ястреб” (как птица, ворующая цыплят).
- Русск. диал. (олон.) *шулуган* “шалун, повеса”, полесск. *шуляк* “сорвиголова (о мальчике)”; болг. диал. *шулек* “незаконнорожденный ребенок”, *шул’ко* “еще не крещеный мальчик”.

Здесь мы, опять-таки, видим близко звучащие слова с различным конкретным значением, имеющим, однако, общий семантический оттенок: “нечто (некто) несовершенно, недоделанное, дефектное, неполноценное; вредное”. Похоже, что именно на этом основании могут быть сопоставлены славянские и финские лексемы (с фонетической стороны сопоставление проблем не вызывает). Если здесь мы имеем нечто большее чем случайное совпадение, финские данные оказываются ценными для истолкования данных славянских.

³³ Для обозначения различных видов сосен (по степени зрелости, качеству древесины и т.д.) как у прибалтийских финнов, так и у саамов имеется большое количество исконных терминов, см., например, фин. *mänty*, *petäjä*, *honka*, *nika*, *lylys*, *kelo* и т.д.

³⁴ Здесь, в силу вокализма и морфологии саамских слов, вряд ли может быть оправданным привлечение русск. *сушняк*, в отличие от случая венг. диал. *susnya* “хворост, валежник; боковой побег” – вторичного образования от *susnyak*, переосмысленного как форма мн. числа, и непосредственно восходящего к слав. **sušъnjakъ* (русск. *сушняк*) [Хелимский 1990: 79]. Кроме того, для сухой сосны как таковой у саамов имелся исконный термин “*soarve*”, обильно представленный в топонимии Кольского п-ва, Карелии и Русского Севера.

³⁵ Мы пока оставляем в стороне еще одну группу северно-русских слов темного происхождения: *шуликун*, *шуликон*, *шиликун*, *шулюкан* “нечистый дух, черт, злой домовый; ряженный на святках”, *шуляпый черт* – слово, которым ругают барана, а также русск. *жулик* (у Даля, Преображенского, Фасмера – “воришка, ученик преступника”; в северных говорах – о непослушном, избалованном ребенке).

М.А. Осипова, ограничиваясь рассмотрением указанных фитонимических терминов (т.е. не признавая их связи с *шуляк* ‘коршун’ и игнорируя “ребячи” слова) возводит их, с привлечением данных славянских, балтских и германских языков, к слав. **šul-* ‘палка > стебель (с утолщением) > утолщение (нечто округлое)’. Н.И. Толстой же объединяет лексемы всех вышеуказанных групп, сопоставляя их с *шульга* ‘левша, левая рука’ с семантическим развитием из исходного “плохой, дурной (несовершенный)”. Нам представляется, что финские данные (если их рассматривать как заимствование из русского) свидетельствуют в пользу гипотезы Н.И. Толстого.

Мы надеемся, что приведенный выше материал, будучи далеко не бесспорным в ряде случаев, может, тем не менее, способствовать активизации внимания специалистов по русской лексикологии к русским заимствованиям в неславянских языках, исторически контактировавших с русским языком, в первую очередь – финно-угорских и тюркских. Последний аспект вопроса нами вовсе не был затронут, но совершенно очевидно, что обращение к данным тюркских языков Поволжья и Сибири будет не менее плодотворно для русской лексикологии, нежели наше, заведомо ограниченное, исследование по русско-финскому лексическому взаимодействию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аникин 1985 – А.Е. Аникин. К семантическому анализу некоторых славянских слов // Этимология 1982. М.; 1985.
- Аникин 1995 – А.Е. Аникин. Несколько оговорок к русским данным в праславянских реконструкциях // Этноязыковая и этнокультурная история Восточной Европы. М., 1995.
- Аникин 1998 – А.Е. Аникин. К балтийским параллелям славянских лексем // Балто-славянские исследования 1997. М., 1998.
- Аникин 2000а – А.Е. Аникин. Славянская лексика на неславянском фоне. Этимологические заметки (1–7) // Этимология 1997–1999. М., 2000.
- Аникин 2000б – А.Е. Аникин. Этимологический словарь заимствований в русских диалектах Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазитских языков. Москва; Новосибирск, 2000.
- Аникин 2003 – А.Е. Аникин. Словарь Фасмера и современная этимологическая лексикография (об одном неосуществленном замысле О.Н. Трубачева). Доклад к XIII Международному съезду славистов. Новосибирск, 2003.
- Афанасьев 1996 – А.П. Афанасьев. Топонимия Республики Коми. Сыктывкар, 1996.
- Башенькин 1999 – А.Н. Башенькин. Финно-угры и славяне на Кобоже и Чагодоше // Чагода: историко-краеведческий альманах. Вологда, 1999.
- Беднарчук 1997 – Л. Беднарчук. Конвергенция балто-славянских и финно-угорских языков в структурном и ареальном аспекте // Балто-славянские исследования 1988–1996. М., 1997.
- Варбот 1985 – Ж.Ж. Варбот. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. XI // Этимология 1982. М., 1985.
- Варбот 1988 – Ж.Ж. Варбот. О семантике и этимологии звукоподражательных глаголов в праславянском языке // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. М., 1988.
- Вендина 1998 – Т.И. Вендина. Общеславянский лингвистический атлас и лингвистическая география // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М., 1998.
- Веселовский 1974 – С.Б. Веселовский. Ономастикон. М., 1974.
- Веске 1890 – М.П. Веске. Славяно-финские культурные отношения по данным языка // Изв. Общества археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те. Т. 8. Вып. 1. Казань, 1890.
- Влаич-Попович 2003 – Я. Влаич-Попович. К реконструкции третьего праславянского омонима **kosa* ‘aggregatio erosionis fluminis; promontorium’ // Этимология 2000–2002. М., 2003.
- Георгиев 1964 – В.И. Георгиев. Значение некоторых заимствований в финском языке для праславянской фонемной системы // *Lingua viget. Commentationes Slavicae in honorem V. Kiparsky*. Helsinki, 1964.
- Даль – В.И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М., 1955.

- Зализняк 1995 – А.А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М., 1995.
- Иллич-Свитыч 1960 – В.М. Иллич-Свитыч. Лексический комментарий к карпатской миграции славян // ИАН ОЛЯ. 1960. № 3.
- Кипарский 1958 – В. Кипарский. О хронологии славяно-финских лексических отношений // Scando-Slavica. № 4. 1958.
- Козлова 1994 – Р.М. Козлова. Большие Долды, Малые Долды и родственные названия (этимологический комментарий) // Материалы для изучения сельских поселений России. Ч. 1: Язык. Культура. М., 1994.
- Куркина 1994 – Л.В. Куркина. Славянские этимологии (ю.-слав. **trapъ*, слав. **sěpati*, **pelestь*) // Этимология 1991–1993. М., 1994.
- Кусов 1993 – С.В. Кусов. Чертежи Земли Русской: Каталог-справочник. М., 1993.
- Ларин 1977 – Б.А. Ларин. История русского языка и общее языкознание. М., 1977.
- Матвеев 2000 – А.К. Матвеев. Географические названия Свердловской области. Екатеринбург, 2000.
- Матвеев 2001 – А.К. Матвеев. Мерянская проблема и лингвистическое картографирование // ВЯ. 2001. № 5.
- Матвеев 2003 – А.К. Матвеев. К этимологии субстратных топонимов с основами Тамб- и Там- // ВЯ. 2003. № 1.
- Муллонен 1994 – И.И. Муллонен. Очерки вепсской топонимии. СПб., 1994.
- Мурзаев 1999 – Э.М. Мурзаев. Словарь народных географических терминов. Т. 1, 2. М., 1999.
- Мызников 2003а – С.А. Мызников. Русские говоры Обонежья: ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. СПб., 2003.
- Мызников 2003б – С.А. Мызников. Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада. СПб., 2003.
- Невская 1972 – Л.Г. Невская. Словарь балтийских географических апеллятивов // Балто-славянский сборник. М., 1972.
- Николаев, Хелимский 1990 – С.Л. Николаев, Е.А. Хелимский. Славянские (новгородско-псковские) заимствования в прибалтийско-финских языках: -а и -и в рефлексах имен мужского рода // Uralo-Indogermanica. V. I. М., 1990.
- Никонов 1993 – В.А. Никонов. Драгоценные свидетели // Этимология 1988–1990. М., 1993.
- Никончук 1986 – Н.В. Никончук. Эндемическая лексика Полесья // Этимология 1984. М., 1986.
- НПК – Новгородские писцовые книги. Т. I–VI и указатель. СПб.; Пг., 1859–1915.
- НРЭ – Новое в русской этимологии. Т. I. М., 2003.
- Осипова 1994 – М.А. Осипова. Укр. *шуляк* 'капуста, не выросшая в кочан; початок кукурузы' и др. < слав. **šul-* // Этимология 1991–1993. М., 1994.
- Попов 1972 – А.И. Попов. Русские народные говоры и влияние иноязычных соседей (этимологические этюды) // Вопросы изучения лексики русских народных говоров. Л., 1972.
- Рут 1984 – М.Э. Рут. К проблеме разграничения субстратной и заимствованной лексики финно-угорского происхождения на территории Русского Севера // Этимологические исследования. Свердловск, 1984.
- СВЯ – М.И. Зайцева, М.И. Муллонен. Словарь вепсского языка. Л., 1972.
- Седов 1989 – В.В. Седов. Начало славянского освоения территории Новгородской земли // История и культура древнерусского города. М., 1989.
- Селищев 1968 – А.М. Селищев. Избранные труды. М., 1968.
- Сенкевич-Гудкова 1970 – В.В. Сенкевич-Гудкова. Семантическая структура переносных значений в русских говорах Карелии // Вопросы изучения севернорусских говоров и памятников письменности. Череповец, 1970.
- СКЯ – Словарь карельского языка (тверские говоры) / Сост. А.В. Пунжина. Петрозаводск, 1994.
- Смолицкая 1976 – Г.П. Смолицкая. Гидронимия бассейна Оки. М., 1976.
- СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 1 – СПб., 1994. –
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1 – . М.; Л., 1965–.
- СРЯ – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–. М., 1975–.
- ССС – Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. Изд. 2-е. М., 1999.
- Теуш 2003 – О.А. Теуш. Этимологизация финно-угорских заимствований в русском языке и семантический анализ // ВЯ. 2003. № 1.
- Ткаченко 1990 – О.Б. Ткаченко. К этнокультурному аспекту древнейших финноугорских славизмов // Uralo-Indogermanica. V. I. М., 1990.

- Толстой 1971 – Н.И. Толстой. Из великорусской диалектной семантики // Проблемы истории и диалектологии славянских языков. М., 1971.
- Толстой 1978 – Н.И. Толстой. О славянских названиях деревьев: сосна-хвоя-бор // Восточно-славянское и общее языкознание. М., 1978.
- Топоров 1995 – В.Н. Топоров. О балто-славянской диалектологии (несколько соображений) // *Dialectologia slavica*. Сборник к 85-летию С.Б. Бернштейна. М., 1995.
- Трубачев 1963 – О.Н. Трубачев. О составе праславянского словаря (проблемы и задачи) // Славянское языкознание. V Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1963.
- Трубачев 1994 – О.Н. Трубачев. Праславянское лексическое наследие и древнерусская лексика дописьменного периода // *Этимология* 1991–1993. М., 1994.
- Фасмер – М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1964–1973.
- Хакулинен 1953 – Л. Хакулинен. Развитие и структура финского языка. Ч. 1: Фонетика и морфология. М., 1953.
- Хелимский 1990 – Е.А. Хелимский. К корпусу ранних славянских заимствований венгерского языка // *Uralo-Indogermanica*. V. I. М., 1990.
- Хелимский 1995 – Е.А. Хелимский. Сверхдревние германизмы в прибалтийско-финских и других финно-угорских языках // *Этноязыковая и этнокультурная история Восточной Европы*. М., 1995.
- Хелимский 2000 – Е.А. Хелимский. Компаративистика. Уралистика. Лекции и статьи. М., 2000.
- Шахматов 1915 – А.А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915.
- Шилов 1996 – А.Л. Шилов. Чудские мотивы в древнерусской топонимии. М., 1996.
- Шилов 1999 – А.Л. Шилов. Заметки по исторической топонимике Русского Севера. М., 1999.
- Шилов 2000 – А.Л. Шилов. Русское диалектное кортома // Слова, слова, слова. К 65-летию И.Г. Добродомова. Смоленск; Москва, 2000.
- Шилов 2002а – А.Л. Шилов. Размышления над статьей Й. Койвулехто о прибалтийско-финских этнонимах // *Финно-угорское наследие в русском языке*. Вып. 2. Екатеринбург, 2002.
- Шилов 2002б – А.Л. Шилов. Из наблюдений над берестяными грамотами // *Финно-угорское наследие в русском языке*. Вып. 2. Екатеринбург, 2002.
- Шилов 2002в – А.Л. Шилов. Битца и Гвоздянка // *Русская речь*. 2002. № 6.
- Шилов 2003а – А.Л. Шилов. Некоторые вопросы интерпретации северно-русских диалектизмов // *Диалектная лексика*. Вып. 8. Екатеринбург, 2003.
- Шилов 2003б – А.Л. Шилов. Опыт историко-этимологического словаря топонимов Карелии (буква Б) // *Диалектная лексика*. Вып. 8. Екатеринбург, 2003.
- Шилов 2004 – А.Л. Шилов. Номенклатурные термины в названиях порогов Карелии // *Ономастика*. Екатеринбург, 2004. № 1.
- Шустер-Шевц 2000 – Х. Шустер-Шевц. К аблаутным отношениям в.-луж. *slonco* ‘солнце’ и н.-луж. *słunco* / диал. *słunco* “то же”, а также в.-луж. *płokać* ‘стирать (бельё)’ и н.-луж. *pal-kas*, диал. *połkaś / pełkaś* “то же” // *Этимология* 1997–1999. М., 2000.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1–. М., 1974–.
- Якубинский 1926 – Л.П. Якубинский. Несколько замечаний о словарном заимствовании // *Язык и литература*. Т. 1. Вып. 1–2. М., 1926.
- Якубинский 1953 – Л.П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953.
- Яшкин 1974 – И.Я. Яшкин. Топографическая и гидрологическая лексика Белоруссии и западной части РСФСР // *Вопросы географии*. Вып. 94. М., 1974.
- Ariste 1971 – P. Ariste. Die älteren Substrate in den ostseefinnischen Sprachen // *СФУ*. 1971. Т. VII. № 4.
- Joki 1973 – A.J. Joki. Uralier und Indogermanen. Die älteren Berührungen zwischen den uralischen und indogermanischen Sprachen. Helsinki, 1973.
- Kalima 1933 – J. Kalima. Über die Bedeutung der finnisch-ugrischen Sprachforschung für die russische Dialektologie // *Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia*. Helsinki, 1933.
- Kalima 1952 – J. Kalima. Slaavilaisparainen sanastomme. Helsinki, 1952.
- Karsten 1902 – T.E. Karsten. Germanisches im finnischen // *Finnisch-Ugrische Forschungen*. Bd. II. Hft III. 1902.
- KKLS – T.I. Ikonen. Koltan–ja Kuolanlapin sanakirja. Osa 1, 2. Helsinki, 1958.
- Koivulehto 1976 – J. Koivulehto. Vanhimmista germaanisista lainakosketuksista ja niiden ikäämisestä // *Virittäjä*. 1976.
- Koivulehto 1981 – J. Koivulehto. Zur Erforschung der germanisch-finnischen Lehnbeziehungen // *СФУ*. Т. 17. 1981.

- Koivulehto 1988 – *J. Koivulehto*. Alte indogermanische Lehnwörter im Finnisch-Ugrischen // Ural-Altaische Jahrbücher Neue Folge 8. Wiesbaden, 1988.
- Koivulehto 1999 – *J. Koivulehto*. Verba mutuata. Helsinki, 1999.
- Lehtisalo 1933 – *T. Lehtisalo*. Uralische Etymologien // Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia. Helsinki, 1933.
- Mikkola 1938 – *J. Mikkola*. Die älteren Berührungen zwischen Ostseefinnisch und Russisch. Helsinki, 1938.
- Napolskich 1996 – *V.V. Napolskich*. Die Vorslaven in interen Kamagebiet in der Mitte des 1 Jahrtausend unserer Zeitrechnung Permisches Sprachmaterial // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. Bd. 18/19. Hamburg, 1996.
- Neuhaus 1908 – *J. Neuhaus*. Kleine finnische Sprachlehre nebst einem Wörterverzeichnis der finnisch-indoeuropäischen Entlehnungen. Heidelberg, 1908.
- Nissilä 1975 – *V. Nissilä*. Suomen karjalan nimistö. Joensuu, 1975.
- Paasonen 1948 – *H. Paasonen*. Ost-Tscheremissisches Wörterbuch. Helsinki, 1948.
- Plöger 1973 – *A. Plöger*. Die russischen Lehnwörter der finnischen Schriftsprache. Wiesbaden, 1973.
- Rédei 1999 – *K. Rédei*. Zu den uralisch-jukagirischen Sprachkontakten // Finnisch-Ugrische Forschungen. Bd. 55. Hft. 1–3. 1999.
- SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. Osa 1–6. Helsinki, 1955–1978.
- SSA – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. Osa 1–3. Helsinki, 1992–2000.
- Swedell 2001 – *U. Swedell*. Finska och samiska ortnamn i Sverige. Uppsala, 2001.
- Terent'ev 1990 – *V.A. Terent'ev*. Corrections to the “Suomen kielen etymologinen sanakirja” concerning Germanic, Baltic and Slavic loanwords // Uralo-Indogermanica. II. M., 1990.
- Viitso 1992 – *T.-R. Viitso*. Finnic and its prehistoric Indo-European neighbours // Finnisch-ugrische Sprachen zwischen dem germanischen und dem slavischen Sprachraum. Amsterdam; Atlanta, 1992.
- Vries 1961 – *J. de Vries*. Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Leiden, 1961.